

УДК 930.85

Т.Е. Строковская

«Славянские земли» и их обитатели в письмах славистов середины XIX в.

Аннотация:

В сообщении анализируется понятие «славянские земли» и их образ, сложившийся в результате заграничных путешествий российских славистов О.М.Бодянского, М.П.Погодина и И.И.Срезневского и отраженный в их письмах своим коллегам и чешскому слависту П.И.Шафарику.

Ключевые слова: славянский мир, язык, литература, этно-культурная идентификация, повседневная жизнь, образование, соотечественники.

Об авторе: Строковская Татьяна Евгеньевна, кандидат исторических наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук; эл. почта: t.e.strokovskaya@gmail.com.

Предметом данной статьи является сконструированная реальность - славянский мир, возникший в воображении и трудах ученых-славистов середины XIX в. Само понятие - идеальный образ, подразумевающий территории, населенные народами, говорящими на славянских языках. Когда-то они были самостоятельными, а потом потеряли независимость и вошли в состав Австрийской и Османской империй. В сознании ученых и путешественников они объединены в топоним «славянские земли».

В качестве источников использована научная переписка и путевые заметки российских славистов О.М. Бодянского, М.П. Погодина, И.И. Срезневского, чешского ученого П.И. Шафарика, а также «галицкого русского», закарпатского историка и публициста Д.И. Зубрицкого. Заграничные путешествия составляли для выпускников Московского университета часть программы последиplomной подготовки к преподавательской деятельности. Учебно-научные цели путешествий (1838-1841) объясняются в переписке Бодянского с Погодиным.

География и маршруты

Прежде всего, славянские земли – это место обитания самобытного древнего, единого народа Европы, который с ранних веков был известен под немецким названием «венеды» и домашним – «сербы». Так определял их в XIX в. чешский славист, историк и патриот П.И. Шафарик. Шафарик пользовался непререкаемым авторитетом среди коллег, а его рекомендации и мнения долго воспринимались как экспертные заключения и задавали систему координат для научного сообщества славистов. Центр славянских земель Европы находился в Австрии. Все маршруты по их изучению начинались со столиц Вены, Пешта и Праги, где ждали обширные библиотеки и ценные рукописи.

Список значимых центров и маршрутов славянского мира включал Пешт, Новый сад, Карловцы, затем через Сербию в Загреб, Далмацию и Черногорию [1, V]. В Сербии, кроме Загреба, нужно было побывать Дубровнике и Триесте.

География славянских земель была персонифицирована. Его точки притяжения составляли не только города и библиотеки, но и люди. Так, например, в Праге путешественников ждало гостеприимство самого П.И.Шафарика, дом которого был центром общения европейских славистов. Из Загреба нужно было непременно заехать в Шибеник, где работал доктор Петранович, и Дубровник, где жил Гагич, а уже потом отправиться в Черногорию» [1, VI].

Главной ценностью славянского мира были «живые источники», то есть язык, диалекты, говоры, нравы, обычаи, а не «полусгнившие рукописи» [5, письмо 31 окт. 1838г.] в библиотеках Вены и Пешта. Поэтому желающим познакомиться с истинными богатствами славянских земель и открыть их подлинную сущность нужно было посетить провинцию, искать фольклор в Среме, Иллирии, в небольших городках, деревушках, монастырях. Славянскими языками, обязательными для изучения, в соответствии с мнением Шафарика, считались церковно-славянский, русский, польский, чешский. А из них первенство отдавалось древнеславянскому (который отождествлялся с древнеболгарским), русскому и польскому.

Представляет интерес, что болгарские земли Османской империи в переписке славистов не определяются как значимые части славянского мира. Более того, из контекста писем можно заключить, что они представляют особую, «балканскую» ветвь, лишь частично привитую к славянскому миру.

Степень важности славянских земель, их культурная и историческая ценность определялась славистами еще до открытия ключевых фигур и произведений южнославянской средневековой культуры и истории: Климента Охридского, Константина Преславского, Саввы Сербского, Константина Костенецкого и др. Из гигантов болгарской книжности был известен только Иоанн Экзарх Болгарский, чей «Шестоднев» был открыт и издан Калайдовичем в 1824 г. Бодянский, которому из-за болезни не удалось выполнить весь план и побывать в Болгарии и Македонии, утешая себя и коллег, пишет: «из славянских земель непосещенными остались только две-три, не очень-то важных» [1, VI]. Но зато в Чехии он посетил Карлов Градец, Брно, Оломуц, и монастырь в Райграде.

Еще один фактор влиял на формирование модели славянского мира: недостаточные сведения о географии южнославянских земель в составе Османской Империи. Тот же П. Шафарик, считавший географию тесно связанной с филологией, хвалит австрийские и ругает французские карты Европейской Турции: «никогда еще я так не радовался и не сердился как из-за карт. Французская карта Ноэля и Вивье – это один обман. Исключая границ и пути из Белграда в Царьград, все остальное взято с ветра. Реки величиной как Тиса, Лаба и почти Дунай, вымышлены массами такие, каких в Турции совсем нет. Города нередко поставлены на 50 миль далее в области, которым они не принадлежат. Обезображенное имя одного города стоит 7 или 10 раз. Таковы все карты Турции, которые я видел..., а видел я их по крайней мере сотню.» [3, 67]

Разнообразие языков и наречий являлось особенностью славянского мира. Шафарик делил славян по языкам на две группы: юго-восточная (русские, болгары, сербы) и западная (поляки, чехи, лужицкие сербы, полабские славяне). Именно языки, а не религиозные конфессии составляли главное различие между славянами Европы. Поэтому главной задачей путешествия считалось изучение славянских языков. Бодянский обещает Погодину: «Я не вернусь к вам без того, чтобы не говорить на всех нынешних славянских языках, это необходимо для живого и плодоносного знания славянины, иначе все будет мертво». [4, 9]

Зима 1837-1838 г. выдалась в Европе очень холодной, температура в Праге все время держалась ниже 25 градусов мороза. За это время Бодянский, не имея возможности продолжать путешествие, в совершенстве выучил чешский язык.

В другом письме, уже из Пешта, Бодянский пишет: «Теперь я болтаю беспрестанно по-сербски, и надеюсь, через месяц-два овладеть им также как чешским, польским и словацким... К немалому удивлению самого себя успел в теперешнее мое пребывание почти совершенно усвоить себе сербский язык, беспрестанно разговаривая с сербами, толпой приходящими ко мне каждый день, так что в самой Сербии мне уже мало что остается делать касательно языка.» [5, письмо 6 дек. 1838г.]

Путь к сближению народов – взаимное изучение литературы, культуры и исторического прошлого. Одна из этических норм ученых-славистов заключалась в убеждении, что без овладения языком невозможно адекватно воспринять, осмыслить, изучить и транслировать знания о другой культуре. Например, когда чехи были недовольны, что Шафарик не признал чешский язык самым благозвучным из славянских, считая таким русский язык, он отвечал: «Я не желаю, чтобы мы друг другу лгали или ласкали сами себя неправдою». Восстановление утраченного единства славянского мира невозможно без признания равенства славянских народов. «Пока серб – пишет Шафарик –

полагает, что турок более близкий ему приятель, чем чех, поляк или словенец, пока чех, славонец и т.д. расхваливает немца и считает его братом, а презирает серба, болгарина и т.д., пренебрегая ими или уклоняется от них как от турка или какого-либо дикаря, до той поры нельзя думать о всеславянской азбуке...»

В 1830 г., после польского восстания, чешский патриот Шафарик критиковал российские власти и сочувствовал польскому народу. Он восклицал: «Каким образом, растоптав это благороднейшее и поистине рыцарское славянское племя, можно положить основание будущему единству славянских народов? В падении Польши мы должны оплакивать падение всего славянства.» [2, 23-24].

Обитатели и их обычаи

Представляют интерес наблюдения путешественников об облике и деталях повседневной жизни местного населения славянских земель.

Одно из ярких впечатлений от поездки ожидало русских путешественников при пересечении границ. Различались условия провоза взятых с собой подарков и личных вещей, а также пошлины и особенности их выплат. О.М. Бодянский сообщает, что на польской границе ему пришлось заплатить 5 золотых за провоз меха, который он вез в подарок своему чешскому другу Шафарику. Чтобы избежать штрафов на каждой следующей таможне, московский ученый, университетский выпускник придумал хитрость. «В Варшаве сшил из него на живую нитку халат, покрыв его пестрой какой-то материей и обложив по сторонам забубенными вычурами, пристроив так же отложной воротник из таких же вычур. За две или три станции до таможни, обыкновенно вынимал его из чемодана, надевал на себя под шинель, и таким образом, в этой багрянице переезжал через Стикс: немцы, смотря на меня в этом наряде, Бог знает, каким богачем почитали русса и, кажется, один из них как-то произвел меня в князья, а другой – в бароны» [3, 6].

Живописен рассказ другого российского путешественника И.И.Срезневского о торговом дне в Братиславе. «Сегодня пятница, а в пятницу собирается на моей Рыбной площади базар, продают зелень, цветы и т.д.

Тут в Братиславе я вижу хромоногих и кривоногих в таком множестве, что 9-й или 10-й верно переваливается на ногах: у иного одна нога короче, у другого – переломана, у третьего – носки ищут один другого, четвертый на костыле или костылях, пятый как кошка выдвигает ногу за ногой, как будто из чемодана, шестой раскачивается идучи, как будто бы его тащили то в одну, то в другую сторону! И это люди не из бедного звания, а часто хорошо одетые дамы и хорошенькие девушки [4, №52 от 22 апр.1842 г.].

В другом письме он описал забавную, на его взгляд, любовь местных молодых людей к молоку и привычку проводить досуг, поднимаясь по вечерам на окрестные холмы и петь там хором. О вкусах местных жителей пишет и Бодянский: «квасу здесь нет, и даже никто не ведает, что это такое» [1, 7].

Поездки оплачивались государством и предполагали определенную экономию. Бюрократическая волокита и путаница при запросе и получении денег порой приводила путешественников в отчаяние. Бодянский писал в Москву с просьбой увеличить дотацию: «не делает чести университету отправить человека путешествовать на чужбину и оставить его без всякой помощи» [3, 24]. В апреле 1838 г. он жалуется: «Еще неделю надеюсь кое-как перебиться, а там протяну руку к кому-нибудь из добрых чехов. Стыд и срам нашему университету довести меня до такой крайности на чужбине. Что подумают о нем и о Руси вообще наши соплеменники? Пока я здесь, можно еще хоть и с горем пополам, хоть и на доброту чехов жить и действовать. Но что станет со мной, когда пушусь переезжать с одного места на другое, например, в Венгрии, Сербии, Болгарии, Дубровнике и т.д. [3, 32].

Приведем одну историю, которая, наглядно демонстрирует, как медленно меняется национальный характер и восприятие друг друга народами разных культур.

Поездки за границу будущих профессоров по направлению университета оплачивались государством. Выделенное содержание составляло 1000 р. в год, что предполагало определенную экономию. Например, за квартиру со всеми удобствами и обслуживанием Бодянский платил 50 р., что для него было довольно много. Он писал в Москву с просьбой увеличить дотацию: «не делает чести университету отправить человека путешествовать на чужбину и оставить его без всякой

помощи» [3, 24]. В апреле 1838 г. Бодянский жалуется Погодину: «Еще неделю надеюсь кое-как перебиться, а там протяну руку к кому-нибудь из добрых чехов. Стыд и срам нашему университету довести меня до такой крайности на чужбине. Что подумают о нем и о Руси вообще наши соплеменники? Пока я здесь, можно еще хоть и с горем пополам, хоть и на доброту чехов жить и действовать. Но что станет со мной, когда пушусь переезжать с одного места на другое, например, в Венгрии, Сербии, Болгарии, Дубровнике и т.д. [3, 32].

Однажды, страдавший постоянными простудами и ревматизмом О.М.Бодянский, отправился лечиться на минеральные источники в Карлсбад и Теплицы. Поскольку уже тогда это был известный курорт, его расходы существенно возросли. Те же 50 рублей, на которые он жил месяц в Праге, на водах он расходовал за неделю. Человек внимательный и не лишенный чувства юмора, он оставил характерное наблюдение о соотечественниках, которых встретил на европейском курорте. «Русских в Карлсбаде теперь как граду морского. Жители говорят, что они никогда еще не видели подобного нашествия северных водопийцев» [3, 66]. Перечисляя лучшие дворянские фамилии России, ученый описывает курьезную ситуацию. Три графа: Толстой, Муравьев и Розен для русских отдыхающих устроили торжественный обед и бал в честь дня рождения государя Николая Павловича. Они пригласили на этот роскошный и дорогой обед много русских гостей из разных сословий, а потом предъявили им счет «по 4 червонца» (то есть по 100 рублей с человека). В завершении рассказа Бодянский «благословляет судьбу, помешавшую идти на это сонмище» [3, 66].

Межнациональные контакты и взаимные характеристики

В наблюдениях над особенностями национального характера содержится много интересного. Например, патриотизм Шафарика выражался в том, что труды свои он писал по-чешски, а также был убежден, что его долг как ученого - работать исключительно в Праге. Язык для него – главное достояние культуры нации и один из факторов идентичности. Он находил неэтичным «покинуть своих соотечественников, которые отнеслись к нему с такой любовью и доверием» [2, 32].

В отношениях с австрийской администрацией Шафарик противопоставляет две славянские нации: чехов и сербов. «В то время как мы всячески стараемся как-нибудь успокоить гидру, эти неразумные люди без всякой нужды подливают масла в огонь» [2, 16].

Друзья, посещавшие Шафарика в Праге, подтверждали, что в чешском сообществе ученые пытались отстраниться от политики из опасения репрессий со стороны австрийских властей: «всегда действуют с необыкновенным благоразумием, осторожностью» [9, 77].

Весьма нелестно описывает Шафарик сербскую интеллигенцию г. Нови Сад, где ему пришлось жить и преподавать в 20-е годы XIX столетия. В письмах друзьям он жалуется на грубость нравов, излишний темперамент, политизированность сербского общества, на неразборчивость в средствах ведения полемики и борьбы за свои интересы.

Отрицательными свойствами сербского общества Нового Сада, восходящими в его шкале ценностей на нравственную степень, было равнодушие к просвещению. Его удручают нарушения в учебных заведениях профессиональной этики учителей по отношению к ученикам, их грубость, неаккуратность в денежных вопросах. Особенно возмущает Шафарика небрежное отношение к своим обязанностям учителей и леность в занятиях учеников.

Все заслуги в деле просвещения он приписывает горожанам [2, 17], противопоставляя их духовенству и, в особенности, администрации архиепископа Нового Сада. В целом, довольно безразличный к вопросам религии, в период жизни в Новом Саде Шафарик с антипатией относился к сербскому духовенству и особенно к монашеству. В письмах этого периода эпитет «монах» - характеристика отрицательная, своеобразная эмблема, обозначающая человека недалекого, малообразованного, скупого, упрямого и невежественного [2, 18].

Своеобразие положения русского и русскоязычного национально-культурного меньшинства в Галиции в середине XIX в. описано в заметках Д.И.Зубрицкого. Денис Иванович Зубрицкий (1777-1862), славист, называвший себя «галицким русским» ученым, всю жизнь прожил во Львове. Он в своих письмах рисует картины периода с 1830-х-1860-х гг.

С одной стороны, Галиция входила в состав Австрийской Империи, где государственным языком был немецкий и все особенности административно-правовой, территориальной и религиозной системы определялись Австрийской монархией. С другой стороны, сама Галиция – регион, являвшийся частью разделенной и утратившей свою государственность Польши, отошедший к Австрии. Соответственно, этническое большинство населения там составляли поляки, преобладающий язык межнационального общения – польский, а религиозное большинство составляли католики и в некоторых районах – униаты.

Положение русского и русскоязычного этно-культурного меньшинства в Австрийской Галиции не удовлетворяет Д.И. Зубрицкого. Славист считает, что позиции носителей русского языка и культуры в регионе постепенно ослабевают. Он констатирует, что среди «галицких русских» в качестве разговорного языка и языка общения чаще используется польский, и даже историю своего собственного края и народа местные интеллигенты легче и охотнее воспринимают на польском языке. Причины такого явления он видит отчасти в политике австрийского правительства, отчасти в отсутствии потребности самого населения, которое предпочитает адаптацию к господствующей этнокультурной среде сохранению национального своеобразия.

Много внимания в своих письмах уделяет Зубрицкий описанию системы образования в Австрийской Галиции. Среди учебных заведений Львова оказалась лишь одна русская школа с одним учителем, где учили чтению, письму, церковному пению и обрядам. Только одна частная типография печатала на русском языке, не издавалось ни одной русской газеты (а всего их во Львове с 1835 по 1861 г. было три: польская, немецкая и галицкая, выходившая на немецком языке). Учебные заведения Львова насчитывали 4 высших, 7 средних: две гимназии (Академическая и Доминиканская) и пять немецких народных школ (из них – 2 женские) и 5 начальных, из которых четыре были приходские немецкие школы.

Способом поправить ситуацию и поддержать русскоязычную диаспору Зубрицкий считал распространение литературного русского языка, печать исторических и литературных произведений, связи с российской интеллигенцией и поддержку со стороны общественных и научных сообществ из России.

При этом он был противником политических изменений, резко критиковал проявления экстремизма в любых формах. Он считал, что деятельность по сохранению этнической идентификации в мультикультурном окружении следует инициировать и развивать самим представителям местного сообщества, отводя особую роль в этом деле образованию и публицистике.

В одном из последних посланий М.П. Погодину Зубрицкий описал ситуацию в Галиции, поражающую своей современностью и актуальностью. «Какая-то зловредная шаль завладела умами жителей всех провинций: все волнуются, требуют дерзко какой-то народности, автономии, сеймов, исключительного употребления своего наречия в присутственных местах и школах, собираются на сходки, шумят, толкуют, хулят немцев, порицают правительство. Словом сказать, наше государство колеблется в своих основаниях, выходит из своих пазов и клонится к разрушению... Если же шумят и обуреваются флегматические немцы, чехи, хорваты и румыны, то можете себе представить, что делают охотники на все возмущения – поляки. Как бы волшебным жезлом тронутые, в мгновение переоделись в польское, кажется уже прежде заготовленное на этот случай платье, надели разного вида и рода шапки, сабли и мечи, собираются и шумят, восставляют за Днестром границы будущей Польши, злословят Россию, служат по костелам торжественные панихиды и поминки бунтовщикам против России (1794 и 1831 г.)» [5, 619-620].

Известный славянофил Кошелев отмечал, что в отношениях со славянами Европы «Нужны новые подходы со стороны России, что они не хотят сближения политического, а только духовно-литературного». [9, 80].

Таким образом, модель «славянские земли» представляла собой пестрое сообщество разделенных политическими границами народов, единство и взаимный интерес которых строились и поддерживались общностью языковых и культурных корней. По представлениям славистов, единственным верным путем к сближению было взаимное изучение языков, литературы, традиций и исторического прошлого.

Библиографический список:

1. Письма П.И.Шафарика к О.М.Бодянскому (1838-1857 гг), подготовленные к изданию П.А.Лавровым и М.Н.Срезневским. М.Ун-т. 1895.
2. П.А.Лавров. Шафарик. Описание жизни и деятельности. М.1897.
3. Письма О.М. Бодянского к М.П. Погодину из славянских земель 1835-1861. М.1879. в Письма к Погодину М.П. из славянских земель 1835-1861. М.1880.
4. Путевые письма И.И.Срезневского из славянских земель 1839-1842. Спб.1895.
5. Письма к Погодину М.П. из славянских земель 1835-1861. М.1879.
6. Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос 1856-1867. Москва: Издательство Московского университета.1876.
7. Погодин М.П. Собрание статей писем и речей по поводу Славянского вопроса. Москва: Издательство Московского университета. 1878.
8. Погодин М. Историко-политические письма и заметки. Москва: Издательство Московского университета,1873.
9. М.Ю.Досталь. «Шафарик и русские славянофилы в 40-50 гг. XIX в. / П.И.Шафарик. К 200-летию со дня рождения, под ред. Л.Н.Смирнова. М.1995. с.72-83.

Strokovskaya T.E. **Slavic lands and their inhabitants in the correspondence of Slavists'**

Based on the private correspondence, the author analyzes the goals, objectives, results and impressions from traveling abroad of graduates of Moscow State University, sent to complete their education before becoming the lectures in the Department of Slavonic Studies.

Key words: Slavic world, education program, travelling around the Slavic areas, language, literature, everyday routine, compatriots abroad.

